

An impressionistic painting of a vase filled with flowers. The background is a vibrant, textured red. The flowers are rendered in soft, blended colors of white, pink, and light blue, with dark green leaves interspersed. The vase is painted in shades of light blue and white. The overall style is expressive and painterly.

ДЖАВИД АЛАКБАРЛИ

Татвий
Элемент

16+

Джавид Алакбарли

ПЯТЫЙ ЭЛЕМЕНТ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67320459

SelfPub; 2022

Аннотация

Это история большой любви, закончившаяся столь же большой трагедией. Это не любовь умерла, просто умер сам влюблённый юноша. Человек, составляющий смысл и содержание её жизни. Тот, кто заставил её полюбить четыре божественные стихии. Их не надо перечислять. Все же знают, что это вода, Солнце, воздух и Земля. А ещё он был человеком, который смог стать для неё тем самым пятым элементом, без которого нет и не может быть чуда. После его исчезновения она не мыслила себе дальнейшей жизни. Но он ушёл. Покинул этот мир. И вопреки всему и вся жизнь продолжалась. На каком-то повороте судьбы прошлое вновь постучалось в дверь героини и одарило её новым видением того, что когда-то ей довелось пережить.

Джавид Алакбарли

ПЯТЫЙ ЭЛЕМЕНТ

Они разительно отличались друг от друга. Он обожал море. В целом и в общем. Вода – это была его родная стихия. Может быть, в какой-то прошлой жизни, он был рыбой или человеком- амфибией. Всё может быть. Она же ненавидела море. В целом и в общем, она и воду то еле-еле терпела. Её невозможно было окунуть даже в ванну. Она предпочитала душ. В воде она себя чувствовала совершенно беспомощной и потерянной. Попав в воду, она уже через секунду начинала ощущать панический страх. Она даже представить себе не могла, что когда-нибудь она сможет войти в море. Ей казалось, что оно способно уничтожить её в одночасье. Может быть, так оно и было бы. Кто знает.

Она ненавидела солнце. Её кожа вздувалась волдырями и покрывалась красными пятнами от прямых солнечных лучей. Она пряталась от солнца. Это не была игра в прятки. Это было просто непреодолимое желание найти настолько надёжное убежище, чтобы оно до неё не добралось. Он же воспринимал солнце как возможность накопить энергию. Про запас, на целый год. Ему нужно было ровно девять месяцев, чтобы его, покрытое бронзовым загаром, тело приобрело свой изначальный цвет. Именно тогда начинался новый летний сезон и к его коже возвращался привычный бронзо-

вый отлив.

Он обожал ветер. Любой ветер. И тёплый южный ветер, обжигающий кожу и уносящий прочь все дурные мысли. И суровый северный ветер, дарящий прохладу и ощущение полёта. У неё же от ветра просто начинала болеть голова. От любого. Дни, когда ветер был особенно сильным, она предпочитала вообще не выходить из своей комнаты. Но всё равно от сознания того, что где-то бушует ветер, ей было предельно некомфортно.

Она воспринимала землю как грязь. Она ничего не умела выращивать. Она была уверена, что любая еда, фрукты и овощи попадают в дом из ресторана, с рынка или из магазина. Он с самого детства привык относиться к земле как к какому-то чуду природы. Именно земля кормила его, даруя сладость винограда и горечь перца, кислый вкус терпких помидоров, и ещё множество разных ощущений, которые возникают у человека, который умеет что-то растить и выращивать. А он это умел. В его руках каждая чахлая былинка приобретала абсолютно новый облик. Всё начинало цвести, расти и плодоносить.

Он научил её общаться с морем. Дружить с ним. Не просто плавать и нырять. Он уверял её, что надо уметь растворяться в море. Просто так. Лежать и наслаждаться ощущением собственной невесомости. На все её шуточки о том, что она не сахар и не соль, чтобы растворяться в море, он просто улыбался. Он был старше её всего на год, но от природы

обладал такой мудростью, что ей, казалось, что их разделяет целый век.

Он научил её любить солнце. Для неё было открытием то, что, оказывается, дневное светило может быть таким ласковым и нежным. Те несколько часов, когда солнце только-только готовится взойти, равно как и удивительное время перед закатом, стали любимыми часами их встреч.

Он научил её слушать песню ветра. Оказывается, у каждого ветра она была своя. Когда ты вслушиваешься в песню ветра, он превращается в фантастически интересного собеседника, способного рассказать тебе о многом, чего ещё ты не знаешь. Она поражалась тому, что, когда они были вдвоём, крепко взявшись за руки, ветер был гораздо более разговорчивым, а песни его приобретали абсолютно новое звучание.

Она смогла проникнуться даже его любовью к земле. А ещё он научил её получать удовольствие от плодов земли – от фруктов, овощей, зелени и просто от любой еды. Он кормил её фантастически вкусными вещами, прямо с рук. Всё это нельзя было купить в супермаркете. В каждом инжире, в каждом абрикосе, в каждой виноградинке, которые он клал ей в рот, была частичка его любви к ней и его любви к земле.

Они вместе сеяли цветы. Диковинные цветы. Такие не продают в цветочных магазинах. Они были одновременно и прекрасны, и необычны. Кто-то мог сказать, что они слишком неказисты, чтобы попадать в роскошные букеты. Может

быть. Но именно их цвет и аромат навсегда остались для неё символом их любви.

Её бабушка была художником. В мастерскую она превратила старую дачу. Именно на этой даче она в шесть лет впервые увидела этого мальчика с глазами цвета моря и чёрными-пречёрными волосами. Его семья жила в соседней деревне, примыкающей к дачному посёлку. Его отец был рыбаком и каждый день с утра мальчик приносил к ним в дом рыбу. Это был утренний улов.

В свои семь лет он умел делать много из того, что было необходимо для того, чтобы выжить в этой суровой деревушке на берегу моря. Он был ещё очень мал, но уже ощущал себя хозяином. Хозяином земли, своей судьбы и своих желаний. В присутствии же этой девчушки он превращался в её игрушку, её подопечного, её верного раба.

Она, рано потерявшая мать и обделённая отцовским вниманием, воспринимала его, как яркий луч света, заботы и добра в своей детской вселенной. Каждый её летний день был наполнен его присутствием. Это были счастливые дни, разительно отличающиеся от остальных девяти пасмурных месяцев её жизни в городе.

Когда ей исполнилось шестнадцать, она впервые увидела его отца. Он пришёл к её бабушке и они долго-долго что то обсуждали. Уходя, он лишь улыбнулся ей и почему то сказал: – Храни тебя Бог. Не обижай моего мальчика.

Она тут же хотела ответить, что не может его обидеть по-

тому, что он такой большой и сильный. Но просто промолчала. Вечером бабушка осторожно начала говорить о том, что она уже большая девочка и лучше ей не дружить с сельскими мальчиками. Одно её выражение просто рассмешило её:

– Его отец убеждён, что ты плохо на него влияешь. Вернее, ты внушаешь надежды, которым не суждено сбыться. Он простой сын рыбака, а ты городская фифочка. У вас нет будущего. Еще его отец боится того, что ваши гормоны могут сыграть со всеми нами злую шутку.

Бабушке она ничего не ответила.

С этого дня их, практически, никто не видел вместе. Они стали скрываться от чужих взглядов. Неподалёку от бабушкиной дачи, на берегу моря, у них было своё место встреч. Лишь после заката, в сумерках, они тайком приходили сюда. И эти встречи перестали быть проявлением детской дружбы. Та сила притяжения, которая жила в них все эти годы, вылилась в безумную страсть.

Если раньше он открывал ей тайны моря, солнца, воздуха и земли, то теперь он учил её постигать тайны её собственного тела. Они стали единым целым. И каждое мгновение их встреч дарило им всё новые открытия. Они узнавали себя и узнавали друг друга. Сами встречи стали для них чем-то, без чего они уже не могли жить.

Где-то через неделю бабушка обо всём догадалась. Первый же её вопрос прозвучал для неё как гром среди ясного неба:

– Ты знаешь, что ты вся светишься от счастья?

Продолжение разговора оказалось уж совсем неожиданным. Она просто нудно и последовательно, каким-то отстранённым, обезличенным голосом, говорила, что снова приходил его отец. Прежде всего он упрекал её в том, что она допустила их сближение. Удивительным было то, что бабушка позволила себе даже рассмеяться и сказать, что этот странный мужик ведёт себя не как отец парня, а как глава семейства, чью дочь лишили невинности.

Бабушка была мудрым человеком и приняла соломоново решение. Оно было предельно простым: не мешать, не читать нотаций, не лезть в их жизнь. Им она лишь доверительно сказала:

– Умейте быть счастливыми. Несмотря ни на что. Не считаясь ни с кем и ни с чем. Важны только вы. Всё остальное – мишура. Нет в мире таких влюбленных, родители которых не были бы врагами. Каждой семье кажется, что такая сильная любовь отбирает у них их дитя. Это действительно так. Но надо уметь отпускать детей. Без ревности. Без ненависти. Без безумных ожиданий.

Это лето они, практически, не ночевали дома. В небольшой лачужке у самого моря проходили все их ночи. Они слушали море, купались в море, засыпали и просыпались под шум его волн. Ещё до рассвета он провожал её домой и шел к себе в деревню.

Оказывается, к счастью можно привыкнуть. Им казалось,

что так будет всегда. Они старались не заглядывать в завтрашний день. Им было хорошо здесь и сейчас. На берегу прекрасного моря. Под ласковыми лучами солнца. Ощущая друг друга единым целым. Обнимаясь с ветром и валяясь на земле. Им было слишком хорошо. Мучила лишь одна мысль. Скоро заканчивался август. Тогда ей с бабушкой надо было возвращаться в город. О том, что будет потом, они старались не думать. А уж отважиться что-то сказать об этом, они, конечно же, не могли себе позволить.

Этот четверг она запомнит на всю жизнь, как «чёрный четверг». Проснувшись, она увидела на скалах женщин в чёрном. Она знала, что если чья-то лодка попадала в шторм, то утром на скалах появлялись женщины в чёрных одеждах. Конечно же, они каждый раз ожидали чуда. Но чуда не происходило. Море просто выбрасывало на берег тела их отцов, мужей, сыновей и братьев. И продолжало жить своей жизнью. Оно не считало себя убийцей. Убийцей был шторм, шквальный ветер и невезучесть людей, не сумевших предугадать, что после полного штиля всегда может разразиться буря.

На море в тот день бушевал шторм. А ведь ещё накануне оно было таким спокойным. Женщины в чёрном точно знали, кто ушёл вчера в море, а утром не вернулся. Не знала лишь она. Откуда ей было знать, что, проводив её до дому, он присоединился к рыбакам, выходявшим в море. А потом к ним на дачу вихрем ворвался его отец.

– Его нет здесь?

– Нет

Это была его последняя надежда. Она в одночасье всё поняла. Зачем она сидит здесь? Она должна быть там. Либо на дне моря рядом с ним, либо рядом с этими женщинами в чёрном. Казалось, что третьего не дано. Это лишь казалось.

Жизнь продолжалась. Она, не успевшая стать невестой и женой, стала вдовой. Кругом всё сразу потеряло всякий смысл. Ровно до того момента, когда она поняла, что в ней зарождается новая жизнь. На осознание этого у неё ушло три недели.

На следующий день бабушка увезла её в город. Остаться здесь? Зачем? Уехать? Зачем? Вопросы, равно как и ответы, не имели никакого смысла. Она так и не узнала, что его тело море вынесло на берег только через три дня. Похороны в этой деревне были чисто мужским делом. Его предали земле. О ней забыли. Жизнь в деревне потекла по веками сложившемуся руслу. Без него.

Через какое-то время бабушка перевела её на домашнее обучение. Школа на дому, наверное, казалась ей единственным выходом для 16-летней беременной девушки. Она, практически, не выходила из дому.

Бабушка долго выхаживала её. Склеивала. По кусочкам, по крупичкам, по зёрнышку. К ней возвращался цвет лица, перестали сыпаться волосы, шелушиться кожа. Наконец- то она перестала шархаться от своего отражения в зеркале.

Умом понимала, что надо жить, но её мозг и душа пребывали в постоянном раздрае.

Роды были тяжёлыми. Её выписали домой. А её мальчика оставили в больнице. Он ещё не был готов покинуть больничные стены. Был слишком слаб и незащищен перед вызовами жизни. Ей сказали, что у него плохо раскрываются лёгкие. Он лежал в специальной камере, и врачи делали всё, что могли. Она приходила в больницу каждый день. А потом её не пустили в здание. Ей объяснили, что, к сожалению, её мальчик так и не выжил.

Слова бессильны передать то, что она чувствовала. Она так надеялась на то, что этот ребёнок заполнит ту пустоту в её сердце, которая образовалась после смерти её возлюбленного. Неужели она хотела чего-то невозможного? Почему судьба не сжалилась над ней и не даровала такую милость? Так много отняла, но не насытилась. Даже такую малость, как его дитя, как воплощение памяти об их любви, не пожелала ей оставить.

Она стала никем и ничем. Ходячий труп. Она всё время думала о том, что от этих трёх месяцев счастья у неё ничего не сохранилось кроме воспоминаний. Сильных как шторм на море. Ярких как солнце. Пронзительных, как северный ветер. Живучих как сила земли.

Бабушка всё пыталась убедить её, что надо учиться. Выжить и жить дальше. Чистить пёрышки, прихорашиваться, флиртовать и заводить романы. Как всегда, она была суро-

ва и беспощадна в оценке её способностей. Не умственных. А тех, что нужны каждой девушке в борьбе за своего альфа-самца. Её монологи были достойны звучания в каком-то третьеразрядном провинциальном театре. Она в ответ молчала. Но от голоса бабушки невозможно было укрыться:

– Если ты умеришь свои амбиции, то ты, со своей мордашкой и фигурой, можешь стать хорошей женой. Спрячь свою гордость. Не заводись на хорошеньких альфонсов. Найди себе нормального мужа. Мужа – добытчика, мужа – скалу, мужа – опору семьи и достойного отца своих детей. Сердцем ты уже один раз выбрала. Теперь выбирай мозгами.

Жизнь показала, что хорошей женой она сумела стать. Счастливым человеком – нет. Счастье осталось там. В той лачужке на берегу. А потом её счастье утонуло. Вместе с ним.

Её будущий муж элегантно ухаживал за ней. Был умён, красив и обаятелен. Всегда интуитивно чувствовал то, что она хотела бы сделать или сказать. Безумно гордился её. Считал свой брак подарком судьбы. Себя же, и в шутку и всерьёз, называл счастливымчиком. Все эти годы рядом с ним, она чувствовала себя той самой единственной, ради которой этот мужчина был готов свернуть горы.

Он называл её своим солнцем. Откуда было ему знать о том, что когда-то она боялась солнце. Она и сама уже не помнила об этом. Это была та часть её «Я», которая затонула в море.

Он говорил, что она для него ручей с живой водой, возвра-

щающей его к жизни. Откуда было ему знать, что она в детстве панически боялась воды. Недаром боялась. Ведь именно вода отняла у неё любимого. Он и не знал, что она когда-то любила.

Он сравнивал любое её движение с дуновением ветерка. Откуда было ему знать, что когда-то она ненавидела ветер и у неё болела от него голова. Теперь она чётко знала, почему она ненавидит ветер. Особенно сильный северный ветер. Именно он поднял тот злополучный шторм, который уничтожил самое дорогое для неё существо.

Он говорил, что она, как праматерь всего сущего – земля, дарит ему свою энергию. Откуда было ему знать, насколько ей была чужда сама земля? Для неё теперь земля навсегда была связана с тем цветником, который создал для неё на бабушкиной даче ушедший навсегда в море чудо-мальчик. На даче, на которую она уже никогда в жизни не сможет поехать.

Любить всё то, что нас окружает, тоже научил он. Подарок судьбы родом из её детства. Всему научил. И ушёл от неё в синее-синее море. Ушёл, чтобы не вернуться. Оставил её одну в этом мире. Совершенно одну. В пустыне её одиночества. Без воды и надежды на спасение. Без малейшего шанса выжить. Она выжила. Но не вся. Какая-то её часть так и осталась там. Вместе с ним. На дне самого синего-синего моря.

Её первая встреча с будущим мужем произошла в мастер-

ской приятеля бабушки. Она готовила буклет работ этого художника к предстоящей выставке. Он искал подарок своей невесте. Почему-то хотел купить натюрморт с сиренью. Не нашёл. Так ничего и не купил. Да и с невестой своей расстался.

Он потом не раз ей рассказывал о том, что он испытал, впервые увидев её. Слова эти, со временем, потеряли для неё свою новизну и оригинальность. А его чувства – нет. Они были бессменны. Он говорил, что хотел бы подарить ей весь мир. Много чего говорил. Так много красивых слов ей никто никогда не говорил. О её красоте, грации, уме, обаянии. Господи, какой же замечательной она казалась самой себе в свете его комплиментов. Но гораздо важнее его слов были его поступки. Любой его шаг свидетельствовал о том, что этот мужчина, наконец-то, нашёл женщину своей мечты. Женщину, ради которой он готов свернуть горы.

Бабушка улыбалась и не уставала повторять:

– Всё-таки есть в мире справедливость. Моя красавица – внучка наконец-то встретила того, кто способен превратить её жизнь в волшебную сказку.

Он, безусловно, был одним из тех людей, о которых говорят, что они умеют жить. Рядом с ним она впервые в жизни поверила в то, что нет таких проблем в нашей повседневности, которые нельзя было бы разрешить. При этом он ухитрялся очаровывать всех. Даже её, всегда сдержанного и невозмутимого, отца.

Через год она родила красавицу дочку. Та, в какой-то степени, повторила её судьбу. С некоторыми коррективами. Мальчик, с которым она в шесть лет села за парту, стал её избранником. Кончив школу и став студентами, они захотели пожениться. На этой весёлой студенческой свадьбе они с мужем чувствовали себя древними стариками. Молодые уехали учиться. Дом опустел.

Они остались вдвоём. Он был уверен, что теперь им самое время пожить для себя. Но никому из нас не дано предугадать следующий поворот нашей судьбы. До последнего мгновения своей жизни её муж пытался понять, каким это образом, он, баловень судьбы, может оказаться лицом к лицу с такой коварной болезнью. Она сожрала его за три месяца. От прежнего красавца осталась лишь бледная оболочка. За неделю до своей смерти он вдруг задал ей неожиданный вопрос:

– Ты знаешь, все эти годы я пытался что-то понять в твоём прошлом. Когда я увидел тебя в той мастерской, ты поразила меня не только своей красотой. Меня удивили пустота и печаль в твоих глазах. Не такими должны быть глаза прекрасной девушки в восемнадцать лет. В тебе не было жизни, не было огня, не было желания нравиться. Я всё думал о том, что же случилось такого с тобой, что выжгло всё, оставив лишь пепел воспоминаний. Я так и не смог ничего узнать. Я горжусь тем, что смог зажечь огонь в твоих глазах, возродить жажду жизни. Но всем своим нутром я чувствовал, что

прошёл мимо какой-то огромной трагедии, обрушившейся на тебя в юности. Я никогда не спрашивал тебя об этом. Боялся. Боялся открыть дверь, которую не смогу закрыть. Боялся, что, затронув эту тему, я потеряю тебя. Потеряю семью. Узнаю что-то такое, с чем уже не смогу жить. Сейчас я говорю об этом не потому, что хочу что-то услышать. Я слишком слаб и не готов к потрясениям. Скажи мне лишь одно: я прав или нет.

– Ты прав.

– Каким же идиотом я был. Почему я не задал тебе тот единственный вопрос, который меня мучил? Да, прости. Он, конечно же, был уже мёртв, когда я тебя увидел?

– Да.

– Этого я и боялся. Безумно боялся иметь соперника, которого уже нет в живых. Это вечный соперник. Соперник на всю оставшуюся жизнь.

– Если честно, то я не знаю, готова ли я была что-то рассказывать. У меня не хватило бы сил отвалить ту огромную плиту, которой я закрыла эту часть своей жизни. Под ней лежала я сама. Вернее, та часть меня, которая должна была умереть, и, по существу, умерла. Оставшееся «Я» должно было жить. Вот и жила я. Как могла. Прости, если можешь. Ненавижу ложь. Но я и не лгала. Просто молчала. А ты и не спрашивал ни о чём.

Последние его слова перед смертью поразили её:

–Выходи замуж. Будь выше этих гнусных условностей. Те-

бе ещё и сорока нет. Такая женщина, как ты, не может быть одна.

А потом ей приснился странный сон. Море и она в море. Берега не было видно. Кругом была одна вода. Но ей не было страшно. В ушах звучал голос из детства. Его голос:

– Вот видишь. А ты боялась. То, что море отбирает, оно же и возвращает.

Странный сон. Но при этом светлый сон. Внушающий какую-то непонятную надежду. Надежду на что?

Наутро, после окончания сорока дней траура по мужу, ей позвонила бабушка. Пригласила на обед.

– Приходи, будет вкусно. Сними эти чёртовы чёрные тряпки и одень что-нибудь светлое-светлое, яркое-яркое, солнечное-солнечное. Я хочу видеть тебя красивой.

Она пришла. Они пообедали. Потом бабушка сказала, что очень просит простить её:

– Ты просто должна мне это заранее сказать: бабушка, я тебя прощаю.

Ей всё это показалось просто какой-то нелепостью. Бабушка в свои 80 лет была в здравом уме. Конечно же, она не могла сделать что-то такое, за что её следовало бы прощать. Тем не менее она честно исполнила всё то, о чём попросила её бабушка. И даже больше. Крепко-крепко закрыла глаза и три раза повторила:

– Прощаю, прощаю, прощаю.

И тогда бабушка открыла дверь в гостиную. Там сидел он.

Отец того, кого поглотило море.

– Здравствуй невестка. Ты стала красавицей. Не спрашиваю, как ты поживаешь. Все эти годы я пристально наблюдал за тобой. Как жаль, что издалека. Разреши мне кое-что тебе рассказать. Просто выслушай.

Он говорил короткими, рублеными фразами. Тяжело говорил. Говорил как бы, заново переживая всю трагедию своей жизни. И говорил вещи, в достоверность которых было трудно поверить.

– Моя совесть чиста. Я хочу, чтобы ты знала одну очень важную вещь. Когда прошёл год с того дня, как ты вышла из больницы, я пришёл к твоей бабушке. И рассказал, с её точки зрения, совершенно невероятную историю. Я говорил о том, что у меня с госпожой смертью, свои очень сложные взаимоотношения. Отобрав у меня самое дорогое для меня существо, она всё же один раз сделала мне царский подарок. То, что я говорил, показалось ей чистой воды бредом. Но я был очень убедителен. Ты что-нибудь знаешь об этом разговоре?

– Нет.

– Я так и думал. Просто я говорил о том, во что ей трудно было поверить. Я вспоминал о том, что в ту страшную ночь умирала женщина, которая была мне очень дорога. Эта женщина не была членом моей семьи. Она была моей первой любовью. Неприкаянной и несчастной любовью. Она захотела со мной проститься и позвала меня. Прощались мы

очень тяжело. Когда она закрыла глаза, я подумал о том, что из моей жизни ушёл человек, который всё время мог бы быть рядом со мной. Умерла она сегодня, но из моей жизни исчезла ещё много лет тому назад. По моей вине исчезла. Я был молод и глуп. За всё заплатил сполна. Откуда было мне знать, что вся горечь от этой потери исчезнет под тяжестью навалившейся на меня новой трагедии.

Когда я к утру добрался до своей деревни, на меня нахлынули какие-то недобрые предчувствия. Они меня не обманули: смерть отобрала у меня единственного сына. Рыбаки – суровый народ. Привыкший к потерям. Если к ним вообще можно привыкнуть. Но есть потери, которые просто уничтожают человека. Для меня это была именно такая потеря.

Я пять месяцев не выходил из дома, не брился, не стригся, жил впроголодь. Потом узнал о твоей беременности. Тогда пришёл к твоей бабушке. Побрившись и одевшийся в свой лучший костюм. Пришёл с ультиматумом. Думаю, что этим я напугал её. Мой ультиматум был прост:

– Обещай мне, что ты отдашь мне этого ребёнка. Вы не сможете его вырастить и воспитать. Время сейчас сложное. У вас нет на это ни сил, ни средств. Твоя внучка сама ещё ребёнок. Ей надо строить свою дальнейшую жизнь. Она красавица. Обязательно выйдет замуж. От одной мысли о том, что моего внука будет воспитывать отчим, мне становится плохо. Обещай мне это. Пусть этот ребёнок живёт со мной.

Ответ твоей бабушки был прост.

– Нет. Нет. Нет.

Я казался ей чудовищным монстром, готовым отобрать дитя у матери.

Здесь его рассказ прервался. Он хотел просто отдышаться и смочить горло. Выпив стакан воды, он продолжал:

– Когда я узнал, что у меня родился внук, то пришёл в роддом. Был горд и счастлив. Ведь я стал дедом. Это было просто прекрасно. Но я узнал и о том, что мой внук не жилец на этом белом свете. С этим не мог смириться. Ходил туда каждый день. В один из этих дней мне показали внука, сказав при этом ужасные слова:

– Можете проститься.

За те несколько минут, что мне разрешили, через несколько стеклянных барьеров, взглянуть на своего внука, я понял, что малыш постепенно теряет последние силы. Тогда я стал умолять.

– Отдайте мне его. Пусть умрёт у меня в доме. Вы же видите, что происходит. Сами говорите мне, что он до утра не доживёт.

Как это ни удивительно, но ребёнка мне отдали. Оформили как мёртвого. Просто были уверены, что через пару часов он действительно умрёт. Моя жена молилась. Я не обращал внимания на то, что делала она. Я видел рядом с ней смерть – костлявую старуху, которая расселась у меня в доме и ждала. Ждала, когда мой внук перестанет дышать и его можно будет спокойно забрать. Эта проклятая тварь даже не смотрела

на меня. Уставилась в одну точку и просто молчала. Тогда я взорвался.

– Что ты задумала в этот раз? Ведь я привык к тебе. Ты постоянно находилась со мной в лодке, когда я рыбачил. Спокойно сидела, дожидаясь шторма. Ты кидала кости и раздумывала о том, чтобы забрать меня сейчас, потопив вместе со всеми остальными, или дать мне ещё один шанс. Я привык к твоему постоянному присутствию, привык к твоему коварству. Привык к твоим фокусам. Я привык даже к тому, что хожу у тебя в любимчиках. Вроде и хочешь меня забрать, но не забираешь. Хочешь меня покрепче обнять, поцеловать, и задушить в своих объятьях, но не делаешь этого. А потом, видимо, ты что-то перепутала и забрала моего сына. Забрала бы меня и дело с концом. Но ты отобрала самое дорогое для меня существо. Спасибо тебе. Вроде бы я жив, но мы с тобой точно знаем, что ты меня, фактически, убила. Я больше не выхожу в море. Ты уже не сидишь в моей лодке, решая мою судьбу. Наверняка, это последняя наша встреча. Забери меня, но оставь этого малыша взамен сына. Поцелуй меня. Крепко-крепко. Обними, что есть силы, и мы пойдём с тобой отсюда. Вдвоём пойдём.

В эту минуту в комнате раздался плач малыша. Не писк, не судорожные всхлипывания, а полноценный плач. Лишь вдохнув полной грудью, малыш может так плакать. Не помню, что я делал в этот момент. Может плакал, а может смеялся. У меня почему-то стало очень легко на душе. Костля-

вая старуха вдруг исчезла из комнаты.

Была глубокая ночь, когда я ворвался на дачу знаменитого врача. Десять лет тому назад я спас его, вытащив из смертоносной воронки, неподалёку от берега. Вернув тогда ему жизнь, я заслужил право разбудить его и на коленях умолять о спасении внука. Тот плач пробудил во мне надежду на то, что, несмотря на весь пессимизм врачебных прогнозов, ещё что-то возможно будет сделать.

Врач, бок о бок со мной, прожил в комнате малыша три дня.

– Пока не могу дать никаких гарантий. Первый год будет самым тяжёлым. Соляные пещеры, травы, какие-то простые процедуры могут совершить маленькое чудо. Чаши весов в любой момент могут сместиться и туда, и сюда. Нам остаётся только одно: делать что можем и молиться. Ждать чуда, но и не обольщаться, надеясь на то, что оно обязательно произойдёт.

Когда ребёнку исполнился год, я вновь пришёл к твоей бабушке. Рассказал всё как на духу. Она сочла меня сумасшедшим. Ей трудно было поверить, что вся эта фантазмагория может оказаться чистейшей воды правдой. Твоя бабушка пыталась мне доказать, что всё это плод моего большого воображения. Что тот ребёнок умер. А я просто пытаюсь выдать чужого малыша за твоего сына.

И тут ей вспомнился её странный сон. Вопреки всем опасениям бабушки, она не грохнулась в обморок. Она просто

встала и стала ходить по комнате, пытаясь убедить себя в том, что всё это правда. Неужели судьба, наконец-то, сжалась над ней и сделала ей совершенно неожиданный подарок.

– Пока был жив твой муж, я думал, что твоя встреча с сыном никогда не состоится. Мальчик вызвал бы у него слишком много вопросов. Вольно или невольно, сам факт его существования мог бы разрушить твою семью. О том, что твой муж был великим собственником и ревновал тебя ко всему и вся, я был достаточно наслышан. Я был обязан беречь твой покой, твоё счастье, твой семейный очаг.

– А где сейчас мой сын?

– Вчера я проводил его. Он уехал учиться. Я нашёл в себе силы рассказать ему о его настоящих родителях. Ведь он думал, что он просто наш поздний ребёнок. Думаю, что нам всем нужно время. Время, чтобы всё обдумать и взвесить. Время, чтобы обрести новое видение того, что было, что есть, и что будет. Время, чтобы возблагодарить Создателя за то, что после такой великой утраты, он дал нам всем возможность жить дальше, понимая, что в этом мире есть ещё немало тайн, неподвластных нашему скудному разуму.